

А. А. ЯЗЬКОВА

МАЛАЯ АНТАНТА И ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (1933—1934 гг.)

Одним из узловых вопросов истории международных отношений в Европе в годы, последовавшие за установлением гитлеровской диктатуры в Германии, бесспорно является борьба за коллективную безопасность. Исторически закономерен тот факт, что Советский Союз, выступивший инициатором коллективных действий, направленных на пресечение агрессии фашистских государств, был поддержан на международной арене самыми различными политическими силами, трезво оценившими реальность угрозы гитлеризма. Идеи и конкретные предложения, выдвинутые советской дипломатией, нашли наибольший отклик в общественных и политических кругах Франции, хотя в предшествующие годы политика этой европейской державы была временами открыто враждебной по отношению к СССР.

Важным эпизодом борьбы за коллективную безопасность в Восточной Европе после образования в 1933 г. главного очага военной опасности была совместная деятельность советской и французской дипломатий, направленная на создание «Восточного пакта». Участниками этого соглашения, помимо СССР и Франции, должны были стать государства Восточной и Центральной Европы — Польша, Чехословакия, Эстония, Латвия, Литва, Финляндия и Германия. Отказ последней присоединиться к пакту разоблачил бы агрессивные замыслы гитлеровцев в отношении восточноевропейских государств, как впоследствии это и случилось. Однако даже в случае подписания пакта без участия Германии Франция должна была стать его гарантом, равно как и Советский Союз — гарантом Локарнских соглашений, что создало бы основы коллективной безопасности в Европе.

Дипломатическая борьба за создание системы коллективной безопасности в Восточной Европе в этот период и плодотворное сотрудничество Советского Союза, Франции, Чехословакии оставили заметный след в исторической литературе. После второй мировой войны историки разных стран неоднократно возвращались к изучению этого этапа истории международных отношений. Расширению документальной базы их исследований способствовали осуществленные на протяжении последнего десятилетия публикации документов. В 1963 г. в СССР были изданы материалы Архива внешней политики СССР, непосредственно относящиеся к переговорам о «Восточном пакте»¹. Примерно в это же время во Франции было положено начало публикации дипломатических документов 1932—1939 гг., дополняющих ранее имевшиеся сведения об отношении различных европейских держав к проблемам коллективной безопасности².

Наиболее существенные аспекты борьбы за создание в Восточной Европе региональной системы коллективной безопасности занимают видное место в изданных в СССР обобщающих фундаментальных трудах по истории дипломатии и внешней политики

¹ См. «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 годах». — «Международная жизнь», 1963, №№ 6, 7, 8, 10. Круг документов по этому вопросу значительно расширился с выходом в свет очередных томов документов советской внешней политики. — «Документы внешней политики СССР» (далее ДВП СССР), т. XVI, М., 1970; т. XVII, М., 1971.

² «Documents diplomatiques français. 1932 — 1939» (далее — DDF). Série I, t. III—V. Paris, 1967—1970.

СССР³. Позиции отдельных европейских стран проанализированы в книгах некоторых советских исследователей⁴.

Проблемы борьбы за коллективную безопасность в Европе привлекали к себе внимание также и западных историков. В числе их работ, специально посвященных проблеме советско-французского сотрудничества в 1934 г., следует особо назвать опубликованную в советском и французском изданиях статью Ж. Б. Дюрозеля⁵. Однако буржуазные историки концентрируют свое внимание преимущественно на проблемах «большой политики» империалистических держав. Даже такой известный французский историк международных отношений, как П. Ренувен, не уделяет в своем многотомном труде сколько-нибудь значительного внимания проблемам коллективной безопасности в Восточной Европе, хотя они были несомненно связаны с основными линиями французской внешней политики⁶. Буржуазные авторы, как правило, оставляют в тени большие усилия Советского Союза в борьбе против агрессии фашистских государств. Они склонны затушевывать антисоветские тенденции, проявившиеся в эти годы в политике государств Центральной и Восточной Европы и их внешнеполитических союзов, главным из которых была Малая Антанта⁷. Некоторые из них пытаются объяснить бездеятельность Малой Антанты в борьбе за коллективную безопасность не реально существовавшими в ней внутренними противоречиями и классовой направленностью ее внешней политики, а якобы имевшим место «страхом» ее участников перед «восточным соседом». Американский историк Г. Робертс в недавно изданной книге утверждает, например, что попытки Франции опереться в 30-е годы на Советский Союз в противовес Германии якобы были обречены на провал, поскольку такая стратегия была неприемлема для Восточной Европы, «нуждавшейся в защите как против Германии, так и России»⁸.

Антинаучным тезисам буржуазных историков успешно противостоит марксистская историография. Наряду с советскими историками к вопросам борьбы за создание восточноевропейской системы коллективной безопасности против гитлеровской агрессии обращаются польские, чехословацкие, югославские, румынские, венгерские историки. В своих трудах, освещающих широкий круг проблем, они стремятся показать роль в этой борьбе внешнеполитического союза малых европейских стран — Малой Антанты⁹. В Румынии опубликован сборник дипломатических документов, связанных

³ «История дипломатии», т. III, М., 1965; «История внешней политики СССР. 1917—1945», под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева, В. М. Хвостова. М., 1966, и др.

⁴ В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1963; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе (1933—1939). М., 1963; Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964; З. С. Белосова. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964; И. А. Петерс. Чехословацко-советские отношения. 1918—1934. Киев, 1965; В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933—1938). М., 1966; А. З. Манфред. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967; Н. И. Лебедев. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968; Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Советско-румынские отношения 1929—1934 гг. М., 1971; И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971, и др.

⁵ Ж. Б. Дюрозель. Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 г. — «Французский ежегодник, 1961». М., 1962; J. B. Durouzel. Louis Barthou et le rapprochement franco-soviétique en 1934. — «Cahiers du monde russe et soviétique», vol. 3, 1963, № 4.

⁶ P. Renouvin. Histoire des relations internationales, t. VIII, p. II. Paris, 1958.

⁷ R. Mackraay. The Struggle for the Danube and the Little Entente. 1929—1938. London, 1938, p. 152—155.

⁸ H. Roberts. Eastern Europe: Politics, Revolution and Diplomacy. New York, 1970, p. 61.

⁹ J. Jurkiewicz. Pakt wschodni. Z historii stosunkow miedzynarodowych w latach 1934—1935. Warszawa, 1963; R. Kváček. Nad Evropou zataženo. Ceskoslovencko a Evropa. 1933—1937. Praha, 1966; E. Sampus. Mica Inteleger. Bucuresti, 1968; M. Ádám. Magyarország és a kisantanta harmincas években. Budapest, 1968; M. Van k u. Mala Antanta, 1920—1938. Titova Užice, 1969, и др. Отметим, однако, что авторы отдельных трудов (М. Ванку, Е. Кампус) склонны к некоторому преувеличению реалистических тенденций в политике Малой Антанты.

с деятельностью в эти годы известного румынского буржуазного дипломата Н. Титулеску, внесшего свой вклад в борьбу против агрессии фашистских государств¹⁰.

Однако большинство специальных исследований историков европейских социалистических стран посвящено более позднему периоду¹¹. Важный этап борьбы против угрозы фашистской агрессии в 1933—1934 гг. изучен ими в меньшей степени.

Настоящая статья затрагивает лишь отдельные аспекты названного вопроса. Речь пойдет о некоторых особенностях развития международного положения Малой Антанты после установления в Германии гитлеровской диктатуры, о взаимоотношениях государств Малой Антанты с Советским Союзом и о вопросе создания в Восточной Европе системы коллективной безопасности.

* * *

Как известно, Малая Антанта — военно-политический союз Чехословакии, Румынии и Югославии — оформилась еще в 1920—1921 гг. путем подписания между ее участниками двусторонних договоров. Ее образование завершило сложный процесс складывания империалистического союза в одном из самых беспокойных регионов тогдашней Европы. Малая Антанта рассматривалась империалистическими политиками в качестве «санитарного кордона», направленного против Советского Союза, а также как важный фактор в борьбе против революционного движения трудящихся в своих странах. С самого начала ей отводилась также роль хранителя Версальской системы в Центральной и Юго-Восточной Европе. На протяжении длительного времени политика зависимой от западных держав, и прежде всего от империалистической Франции, Малой Антанты была враждебной Советскому Союзу. Вплоть до 1934 г. ни одна из входивших в этот внешнеполитический блок стран не нормализовала с СССР дипломатических отношений.

Однако в 30-е годы с приходом к власти в Германии фашистов положение в Европе серьезно изменилось. Стала реальной угроза пересмотра версальской системы мирных договоров со стороны фашистских государств, усилилась пропаганда реванша и милитаризма, в центре Европы возник очаг войны и агрессии. Все это не могло не беспокоить Францию и страны Малой Антанты, которые вынуждены были искать некоторого сближения с Советским Союзом — поборником сохранения мира в Европе и установления коллективной безопасности. Это, разумеется, не означало полного отхода от антисоветских тенденций во внешней политике указанных стран.

К моменту, когда в конце 1933 г. начались непосредственные советско-французские переговоры о создании в Восточной Европе системы коллективной безопасности для борьбы против гитлеровской агрессии, стали постепенно определяться и международные позиции малых восточноевропейских государств. Чрезвычайно важным было выяснение позиций Польши как одного из планируемых участников «Восточного пакта», а также Малой Антанты, в которую входила другая предполагаемая участница пакта — Чехословакия. 16 февраля 1933 г. между членами Малой Антанты был заключен так называемый «организационный пакт», обязывавший каждого из ее участников согласовывать свои внешнеполитические действия с другими через вновь созданный Постоянный совет Малой Антанты. В соответствии с «организационным пактом» для заключения одним из ее участников какого-либо политического соглашения с другими государствами требовалось предварительное одобрение Постоянного совета Малой Антанты¹².

Попытки сплочения Малой Антанты вызывали раздражение руководителей «третьего рейха» и фашистской Италии. Рейхсминистр иностранных дел фон Нейрат еще в начале февраля через германских дипломатических представителей предлагал итальянскому правительству план совместных действий, целью которого было разъединение

¹⁰ N. Titulescu. Documente diplomatice. București, 1967 (далее — «Documente diplomatice»).

¹¹ Z. Avramovski. Balkanske zemlji i velike sile. 1935—1937. Beograd, 1968; V. Kral. Spojenectvi ceskoslovensko-sovetské v evropské politice 1935 až 1939. Praha, 1970. и др.

¹² «Documente diplomatice», p. 474—476.

и последующая ликвидация Малой Антанты¹³. Несмотря на разъяснения, данные румынским посланником в беседе со статс-секретарем фон Бюловым 22 февраля и имевшие своей целью убедить фашистские власти в том, что «организационный пакт» Малой Антанты не направлен против Германии и будет главным образом препятствовать сближению отдельных ее членов с Советским Союзом, гитлеровцы не скрывали отрицательного отношения к ее дальнейшему сплочению¹⁴.

Что же касается итальянской дипломатии, то она попыталась расколоть этот союз. В марте 1933 г. итальянский посланник в Бухаресте предложил румынскому министру иностранных дел Н. Титулеску перейти от политики сотрудничества с другими странами Малой Антанты и Францией к сближению с Италией, Венгрией, Болгарией¹⁵. Н. Титулеску отклонил это предложение. Подобно некоторым другим буржуазным политикам стран, входивших в Малую Антанту, он понимал, что, будучи непосредственным порождением версальской системы, этот союз оставался одним из оплотв статус-кво, сложившегося после первой мировой войны и положенного в основу политики «Великой Румынии». С образованием же опаснейшего очага военных конфликтов над версальской Европой стали сгущаться тучи. Положение стран Малой Антанты осложнялось тем, что над каждой из них, наряду с гитлеровской опасностью, нависла угроза территориальных притязаний со стороны хортистской Венгрии, которая после прихода к власти Гитлера, не порывая своих связей с Италией, попыталась наладить столь же тесные отношения и с гитлеровской Германией¹⁶.

Серьезной угрозой для Малой Антанты явилась попытка сговора западных держав Англии и Франции с фашистскими государствами — Германией и Италией в рамках так называемого «пакта четырех». Проект этого пакта был выдвинут по инициативе Муссолини в марте 1933 г. Его антисоветский характер не вызывал сомнений. Но он был опасен также и для восточноевропейских государств, так как изолировал их от главного союзника в Европе — Франции. Проект не исключал возможности частичной ревизии версальской системы мирных договоров. Лондонский журнал «Observer», уточняя, за чей счет будет осуществлена эта ревизия, писал 28 мая 1933 г.: «Мы не гарантируем границы Восточной Европы, и нельзя было бы мобилизовать британскую демократию для их защиты в их теперешнем виде. Мы рекомендуем Польше и Малой Антанте ограниченную ревизию. Кто отвергает в этом отношении британские советы, никогда не получит британской помощи»¹⁷.

Руководители Малой Антанты были крайне встревожены той бесцеремонностью, с которой западные союзники пренебрегли их интересами. Министр иностранных дел буржуазной Чехословацкой республики Э. Бенеш в интервью, данном главному редактору французской газеты «Le Jour», заявил, что «пакт четырех» означает раздел мира между подписавшими его великими державами и приведет в конечном счете к войне¹⁸. В соответствии с заявленными еще в конце марта 1933 г. Постоянным советом Малой Антанты «самыми принципиальными возражениями» против основных положений «пакта четырех»¹⁹, румынский министр иностранных дел Н. Титулеску, бывший в это время председателем Совета, направился в начале апреля в Париж и Лондон, чтобы высказать руководителям западных держав свои соображения о возможных последствиях их сотрудничества с Германией и Италией²⁰.

¹³ «Documents on German Foreign Policy» (далее — DGFP). Ser. C, vol. I. London, 1957, p. 30; см. также «Probleme de politica externă a României. 1919—1939». București, 1974, p. 171.

¹⁴ DGFP, Ser. C, vol. I, p. 69—70.

¹⁵ DDF, Série I, t. III, p. 147—148; см. подробнее: З. С. Белоусова. «Пакт четырех» 1933 года. — «Новая и новейшая история», 1972, № 2, стр. 150.

¹⁶ M. Sz. O g m o s. A propos de la sécurité est-européenne dans les années 1930. — «Acta Historica», t. XVI, 1970, № 3—4, p. 315—316; «Венгрия и вторая мировая война». М., 1962, стр. 45, 50.

¹⁷ Цит. по журналу: «Мировое хозяйство и мировая политика», 1933, № 5—6, стр. 86—87.

¹⁸ И. Д. Овсянный. Указ. соч., стр. 26.

¹⁹ «Documente diplomatice», p. 485.

²⁰ Об отношении Н. Титулеску к проекту «пакта четырех» подробнее см.: А. К у z m a н о в а. L'attitude de la Roumanie vis-à-vis du Pacte à quatre. — «Etudes Balkaniques», 1969, № 2, p. 73—74.

Однако в результате переговоров с западными, в первую очередь французскими, политиками Н. Титулеску и его коллеги по руководству Малой Антантой вынуждены были изменить свои первоначальные позиции в отношении «пакта четырех». 25 мая министр иностранных дел Франции Поль-Бонкур принял членов Постоянного совета Малой Антанты (Титулеску, Бенеша и Ефтича), заверив их, что французское правительство подпишет «пакт четырех» только при условии сохранения прежних отношений с Малой Антантой. 31 мая 1933 г. Постоянный совет Малой Антанты, собравшийся в Праге, выразил свое формальное согласие с проектом «пакта четырех»²¹.

В сложившейся обстановке у правительств стран Малой Антанты оставался еще один выход (от него они на протяжении всех послевоенных лет упорно отказывались) — сближение с Советским Союзом, который так же, как и они, был бы отстранен от решения европейских проблем в случае создания директории великих империалистических держав. В марте 1933 г. Э. Бенеш сообщил представителю Советского Союза в Чехословакии А. Аросеву, что «Малая Антанта намерена установить с СССР нормальные отношения»²². Н. Титулеску тогда же заявил в сенатской комиссии по иностранным делам, что Румыния ожидает момента, когда с Советским Союзом «можно будет установить нормальные дипломатические отношения»²³. В упоминавшемся уже коммюнике Постоянного совета Малой Антанты от 31 мая 1933 г., пожалуй, впервые появилась следующая фраза: «Что касается Советского Союза, то Малая Антанта с удовольствием принимает к сведению общую позицию, выявившуюся по некоторым вопросам на конференции по разоружению, и с доверием взирает на развитие отношений в будущем»²⁴.

Однако Малая Антанта вплоть до начала 1934 г. не выработала единой линии по вопросу об установлении нормальных дипломатических отношений с СССР. В сентябре 1933 г. на вопрос чехословацкого посланника Шебы о том, как намерена поступать Румыния в вопросе о нормализации отношений с СССР, Титулеску уклончиво ответил, что, хотя это и сложный вопрос, он будет, несомненно, решен, но нельзя форсировать события²⁵. Титулеску по-прежнему выжидал, таким образом, подходящего момента, когда, по его расчетам, можно было добиться уступок со стороны СССР. Его тактическая линия опиралась также и на позицию правящих кругов Югославии, не спешивших, по словам короля Александра, с признанием СССР «из сентиментальных соображений»²⁶. Чехословакия была более других своих партнеров по Малой Антанте заинтересована в нормализации отношений с Советским Союзом, учитывая возросшую опасность реванша со стороны гитлеровской Германии. Э. Бенеш прилагал усилия к тому, чтобы его инициатива не осталась незамеченной советской дипломатией. «Настаиваю в Совете Малой Антанты, чтобы вопрос был решен быстрее», — телеграфировал он чехословацкому представителю в Москву²⁷.

В сложной международной обстановке, создавшейся в Европе в 1933 г., Советский Союз выступил с мирной инициативой, которая значительно затруднила фашистским государствам осуществление их агрессивных замыслов. В феврале 1933 г. советские представители на конференции по разоружению в Женеве предложили проект конвенции об определении агрессора. Конкретные формулировки советского предложения не оставляли фашистским государствам никакой возможности для дипломатической маскировки своих действий²⁸. В июле 1933 г. ряд государств, в том числе все страны

²¹ «Documente diplomatice», p. 491, 495.

²² ДВП СССР, т. XVI, стр. 150; R. K v a ř e k. Op. cit., str. 67.

²³ ДВП СССР, т. XVI, стр. 823. Н. Титулеску, исходя из общей линии правящих кругов буржуазно-помещичьей Румынии, отвергал предложения других членов Малой Антанты о немедленной нормализации отношений с СССР, надеясь добиться признания незаконного захвата Румынией советской Бессарабии, осуществленного в 1918 г. Сам он признал это в июне 1939 г. в интервью, данному корреспонденту французской газеты «L' Epoque». Подробнее об этом см. Я. М. К о п а н с к и й, И. Э. Л е в и т. Указ. соч., стр. 141—142.

²⁴ «Documente diplomatice», p. 498.

²⁵ Archiv Federálního Ministerstva Zahraničních Vecí (далее — AFMZV), PZ București, 1933, č. 278, 7. IX, 1933, str. 2.

²⁶ Ibidem. Король Александр имел при этом в виду свои связи с осколками российского царского дома Романовых и белогвардейской эмиграцией.

²⁷ AFMZV, tel. odesl., č. 572/33, 20. IX, 1933, str. 1.

²⁸ ДВП СССР, т. XVI, стр. 403—405.

Малой Антанты и Польша, подписали в Лондоне предложенную Советским Союзом конвенцию.

Между тем, как показало дальнейшее развитие событий, сотрудничество с СССР становилось все более необходимым для защиты восточноевропейских стран от угрозы гитлеровской экспансии. С первых же дней прихода к власти гитлеровцы выдвинули в качестве одной из главных задач внешней политики завоевания ключевых позиций в Юго-Восточной Европе. Реакция участников Малой Антанты на происки гитлеровцев не была однозначной. Правящие круги Югославии не считали реальной и непосредственной угрозой со стороны гитлеровской Германии, хотя и учитывали, что развитие событий в дальнейшем может превратить ее в серьезную опасность. В наибольшей степени им были свойственны ненависть и вражда к Советскому Союзу. По свидетельству английского посла в Белграде Н. Гендерсона, король Александр часто повторял: «Непосредственную угрозу для Югославии представляет Италия; после нее придет Германия, но последней и самой большой угрозой для всех будет Россия»²⁹. Как это выяснилось впоследствии, непосредственные планы гитлеровцев в 1933 г. в отношении Югославии ограничивались пока рамками экономической экспансии. Такая «умеренность» объяснялась соперничеством в этом районе германского и итальянского фашизма³⁰.

Более настойчивыми были уже в 1933 г. попытки гитлеровского рейха завязать более тесные экономические и политические отношения с буржуазно-помещичьей Румынией. В мае 1933 г. румынский посланник в Берлине Н. Комнен в состоявшейся по его инициативе беседе с Гитлером сообщил последнему о согласии румынского правительства на укрепление экономических связей с Германией. В ходе беседы Гитлер заявил, что если Малая Антанта продемонстрирует также и свою политическую благосклонность к Германии, то последняя постарается свести к минимуму возможность вооружения Венгрии³¹. В июне — июле 1933 г. Н. Комнен встречался с Бюловым, Нейратом и Розенбергом. Они подчеркнули, что Германия заинтересована в укреплении экономических связей с Румынией и прежде всего в получении ее нефти. Но для того, чтобы «восстановить нормальные торговые отношения с Германией, — по мнению Розенберга, — Румыния должна в первую очередь оставить другие союзы и войти в орбиту политического влияния Германии»³². Это, однако, не входило еще в планы румынских правящих кругов. Н. Комнен выражал недовольство «грубыми дипломатическими методами нацистов»³³. И все же Н. Титулеску, находясь в Лондоне, обратился к Нейрату, предложив ему обсудить вопросы дальнейших отношений Германии с Румынией и другими странами Малой Антанты. Титулеску сказал министру иностранных дел, что если Германия не будет поддерживать реваншистских устремлений Венгрии, он не видит необходимости противиться планам Германии³⁴. Буржуазно-помещичья Румыния, таким образом, уже в 1933 г. вступила на путь «двойной игры» на международной арене и торга с гитлеровской верхушкой. Ее правящие круги выступали за установление экономического сотрудничества с Германией и не исключали в будущем возможности достижения с ней политических компромиссов.

Сложнее обстоял вопрос с третьим членом Малой Антанты — Чехословакией, к которой нацистская Германия имела территориальные претензии. Ей в наибольшей степени угрожала гитлеровская агрессия. И тем не менее, стремясь до поры до времени маскировать свои планы, в конце 1933 г. гитлеровцы решили прозондировать возможность заключения с Чехословакией пакта о ненападении³⁵. Попытки немцев завязать переговоры не были чехословацким правительством решительно отклонены, хотя в ко-

²⁹ В. К. Волков. Указ. соч., стр. 35.

³⁰ «Венгрия и вторая мировая война», стр. 50.

³¹ Arhiva Ministerului Afacerilor Externe al României (далее — Arh. МАЕ). De la legatiunea Berlin 17 mai 1933 — Externe București, fond 71 (Germania), vol. 74, n/p.

³² Ibidem.

³³ «Studii. Revista de istorie», 1966, № 2, p. 229.

³⁴ DGFP, Ser. C, vol. I, p. 586. В состоявшейся в феврале 1934 г. беседе с полпредом СССР в Греции Н. Титулеску также не отрицал возможности уступок со стороны Румынии реваншистским требованиям Германии, заявив, что «Румыния, конечно, не будет воевать из-за аншлюсса». — ДВП СССР, т. XVII, стр. 148.

³⁵ «Československý časopis historický», 1966, № 6, str. 880—881, 887.

вечном счете соглашения достигнуть не удалось, так как Бенеш отказался от сепаратных переговоров без согласия своей союзницы — Франции ³⁶.

В то же самое время Гитлер вел более успешные переговоры с Польшей. Уже в ноябре 1933 г. на первом приеме нового польского посланника в Берлине Липского обе стороны договорились, что все спорные вопросы будут решаться в духе взаимопомощи и отказа от применения силы. 26 января 1934 г. в Берлине было подписано германо-польское соглашение о мирном разрешении споров. Союзная с Польшей Франция не была предварительно информирована о ходе переговоров. В день подписания договора Липский заявил французскому представителю: «Впредь Польша не только не будет нуждаться во Франции, но она даже сожалеет о том, что вынуждена была заплатить дорогой ценой за ее услуги» ³⁷. Польша не поставила в известность о подписании договора также и своих восточноевропейских соседей ³⁸.

Заключение германо-польского соглашения было сильным ударом по Малой Антанте. В условиях германской экспансии логика событий толкала малоантантовский блок к внутренней консолидации, сближению с СССР и дальнейшему укреплению отношений с Францией. Нормализация дипломатических отношений с Советским Союзом стала к этому времени требованием не только трудящихся всех трех стран, но также и значительных слоев буржуазии, опасавшейся угрозы гитлеровского и хортистского реваншизма.

Необходимость изменения характера отношений стран Малой Антанты с СССР диктовалась также начавшимися в конце 1933 г. советско-французскими переговорами о создании в Восточной Европе региональной системы коллективной безопасности с обязательным участием одного из членов Малой Антанты — Чехословакии. Вступая в эти переговоры, Советское правительство, исходя из принятого ЦК ВКП (б) в декабре 1933 г. постановления о развертывании борьбы за коллективную безопасность, руководствовалось прежде всего интересами укрепления мира и безопасности в Восточной Европе ³⁹.

Руководители Малой Антанты при окончательном решении вопроса об условиях нормализации отношений с СССР стремились максимально учесть все особенности, которые проявились к этому времени в политике Франции. В середине декабря 1933 г. Э. Бенеш выехал в Париж, где в переговорах с Поль-Бонкурсом обсудил также и вопрос о «скорейшем оздоровлении отношений между Малой Антантой и Россией» ⁴⁰. Заявления Бенеша основывались на общей позиции, достигнутой во время встречи с Титулеску, когда оба министра заявили о своей «верности пакту Лиги наций» в «его настоящем виде», а Титулеску высказал свои «специальные возражения против ревизии мирных договоров», имея при этом в виду территориальную целостность «Великой Румынии» ⁴¹.

Во второй половине января 1934 г. в Загребе состоялось заседание Постоянного совета Малой Антанты, в ходе которого, как об этом сообщал в циркулярной телеграмме Э. Бенеш, «было установлено, что наступил благоприятный момент нормализовать наши отношения с Советами» ⁴². Однако и в этом случае, по предложению Н. Титулеску, были сделаны оговорки об условиях, при которых Малая Антанта совершит этот акт, руководствуясь «интересами каждой из трех стран». Тогда Титулеску было предложено провести переговоры с М. М. Литвиновым, чтобы прийти «к соглашению относительно формулы, удовлетворяющей Румынию» ⁴³.

Претворение в жизнь решений загребской сессии наталкивалось на значительные трудности, особенно в Румынии и Югославии. Сам Титулеску, положение которого

³⁶ «Внешняя политика Чехословакии». М., 1959, стр. 315.

³⁷ Ж. Т а б у и. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 222—223.

³⁸ J. B. D u r o s e l l e. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1962, p. 179.

³⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. IV, кн. 2. М., 1971, стр. 29.

⁴⁰ DDF, Série I, t. V, p. 268.

⁴¹ Ibid., p. 253; E. C a m p u s. Op. cit., p. 164—165.

⁴² AFMZV, tel. odesl., č. 21—36/34, 28. I. 1934, str. 1.

⁴³ «Documente diplomatice», p. 538; «Probleme de politica externa a Romaniei». p. 172.

осложнилось после убийства в декабре 1933 г. фашистами-железнодорожниками премьер-министра Дуки, сторонника ориентации на Францию, откровенно говорил об усилении в начале 1934 г. германо-фашистской пропаганды в Румынии⁴⁴. Пришедшее к власти в начале 1934 г. правительство Татареску активизировало через своих дипломатических представителей переговоры с гитлеровской Германией. В марте 1934 г. румынский посланник Н. Комнец телеграфировал из Берлина о возможности заключения пакта о ненападении между Малой Антантой и Германией⁴⁵.

Что же касается правящих кругов Югославии, то уже весной 1934 г. они вступили на путь активных переговоров с Германией, которые завершились подписанием 1 мая торгового договора, значительно усилившего не только экономические, но и политические позиции Германии в Югославии.

Однако гитлеровской дипломатии еще не удалось к этому времени расшатать основы французского влияния в странах Малой Антанты. Франция же, исходя из сложившейся международной обстановки, продолжила весной 1934 г. переговоры с Советским Союзом о создании в Восточной Европе региональной системы коллективной безопасности. Активным сторонником этих переговоров был Л. Барту, сменивший в феврале 1934 г. Поль-Бонкура на Кэ д'Орсэ. Как отмечал впоследствии М. М. Литвинов, Л. Барту «понял ничтожность и ненадежность лозунга «спасайся, кто может» и важность и незаменимость коллективных усилий всех государств, стремившихся к миру. Он понял значение участия в этих коллективных усилиях мощного Советского государства. А поняв все это, он решил действовать и действовал энергично»⁴⁶.

20 апреля Л. Барту передал советскому представителю в Париже предложение о заключении двух взаимосвязанных пактов: «Восточного пакта», который имел бы региональный характер и включал бы в себя СССР, Германию, Чехословакию, Польшу и Прибалтийские государства, и советско-французского договора о взаимопомощи⁴⁷. 18 мая 1934 г. в Женеве начались переговоры между Л. Барту и М. М. Литвиновым. Одновременно с обсуждением конкретных деталей планируемой системы соглашений необходимо было выяснить точку зрения правительств заинтересованных государств. Для определения в этих условиях политической линии Малой Антанты Барту возлагал большие надежды на давние личные связи с ее ведущими деятелями — Титулеску и Бенешем.

С целью выяснения позиции Польши Л. Барту в апреле 1934 г. побывал в Варшаве, встречался с Пилсудским и Беком. Беседа Пилсудского с Барту была посвящена в основном вопросу об отношении Польши с Германией. Пилсудский заявил Барту, что он не верит в твердую позицию Франции. По свидетельству бывшего французского посла в Варшаве Лароша, польский президент сказал: «Нет, нет, я уверен в том, что вы уступите. И что же я тогда буду делать?» В ходе переговоров Пилсудский дал понять, что он не одобряет франко-советского сближения⁴⁸.

24 мая французский посол Ларош официально информировал польское министерство иностранных дел о проекте «Восточного пакта». На следующий же день 25 мая к Беку явился германский посол Мольтке, чтобы выяснить отношение Польши к этому пакту. После беседы с Беком он сообщил Нейрату: «Можно с удовлетворением констатировать, что идея военного союза между Францией и Советской Россией не получит поддержки со стороны Польши... В соответствии с заверениями маршала и его министра иностранных дел, которые я только что получил, можно полагать, что Польша не изменит своей политики в отношении с Германией и воздержится от принятия на себя каких-либо новых обязательств в отношении с Россией»⁴⁹. Информация и оценки Мольтке в основном соответствовали действительному положению вещей. Отрицательное отношение польского правительства к «Восточному пакту» еще более укрепилось в результате визита в Варшаву 13—14 июня Геббельса. Таким образом, позиция

⁴⁴ ДВП СССР, т. XVII, стр. 147—148.

⁴⁵ Arch. MAE, fond 71 (Germania), vol. 74, n/p.

⁴⁶ «Известия», 12. X. 1934.

⁴⁷ ДВП СССР, т. XVII, стр. 309—310, 312—314.

⁴⁸ J. L a r o c h e. La Pologne de Pilsudski. Souvenirs d'une ambassade. 1926—1935. Paris, 1953, p. 155—159.

⁴⁹ J. J u r k i e w i c z. Op. cit., str. 65—66.

вечном счете соглашения достигнуть не удалось, так как Бенеш отказался от сепаратных переговоров без согласия своей союзницы — Франции³⁶.

В то же самое время Гитлер вел более успешные переговоры с Польшей. Уже в ноябре 1933 г. на первом приеме нового польского посланника в Берлине Липского обе стороны договорились, что все спорные вопросы будут решаться в духе взаимопомощи и отказа от применения силы. 26 января 1934 г. в Берлине было подписано германо-польское соглашение о мирном разрешении споров. Союзная с Польшей Франция не была предварительно информирована о ходе переговоров. В день подписания договора Липский заявил французскому представителю: «Впредь Польша не только не будет нуждаться во Франции, но она даже сожалеет о том, что вынуждена была заплатить дорогой ценой за ее услуги»³⁷. Польша не поставила в известность о подписании договора также и своих восточноевропейских соседей³⁸.

Заключение германо-польского соглашения было сильным ударом по Малой Антанте. В условиях германской экспансии логика событий толкала малоантантовский блок к внутренней консолидации, сближению с СССР и дальнейшему укреплению отношений с Францией. Нормализация дипломатических отношений с Советским Союзом стала к этому времени требованием не только трудящихся всех трех стран, но также и значительных слоев буржуазии, опасавшейся угрозы гитлеровского и хортистского реваншизма.

Необходимость изменения характера отношений стран Малой Антанты с СССР диктовалась также начавшимися в конце 1933 г. советско-французскими переговорами о создании в Восточной Европе региональной системы коллективной безопасности с обязательным участием одного из членов Малой Антанты — Чехословакии. Вступая в эти переговоры, Советское правительство, исходя из принятого ЦК ВКП (б) в декабре 1933 г. постановления о развертывании борьбы за коллективную безопасность, руководствовалось прежде всего интересами укрепления мира и безопасности в Восточной Европе³⁹.

Руководители Малой Антанты при окончательном решении вопроса об условиях нормализации отношений с СССР стремились максимально учесть все особенности, которые проявились к этому времени в политике Франции. В середине декабря 1933 г. Э. Бенеш выехал в Париж, где в переговорах с Поль-Бонкурром обсудил также и вопрос о «скорейшем оздоровлении отношений между Малой Антантой и Россией»⁴⁰. Заявления Бенеша основывались на общей позиции, достигнутой во время встречи с Титулеску, когда оба министра заявили о своей «верности пакту Лиги наций» в «его настоящем виде», а Титулеску высказал свои «специальные возражения против ревизии мирных договоров», имея при этом в виду территориальную целостность «Великой Румынии»⁴¹.

Во второй половине января 1934 г. в Загребе состоялось заседание Постоянного совета Малой Антанты, в ходе которого, как об этом сообщал в циркулярной телеграмме Э. Бенеш, «было установлено, что наступил благоприятный момент нормализовать наши отношения с Советами»⁴². Однако и в этом случае, по предложению Н. Титулеску, были сделаны оговорки об условиях, при которых Малая Антанта совершит этот акт, руководствуясь «интересами каждой из трех стран». Тогда Титулеску было предложено провести переговоры с М. М. Литвиновым, чтобы прийти «к соглашению относительно формулы, удовлетворяющей Румынии»⁴³.

Претворение в жизнь решений заградской сессии наталкивалось на значительные трудности, особенно в Румынии и Югославии. Сам Титулеску, положение которого

³⁶ «Внешняя политика Чехословакии». М., 1959, стр. 315.

³⁷ Ж. Т а б у и. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 222—223.

³⁸ J. B. D u r o s e l l e. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1962, p. 179.

³⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. IV, кн. 2. М., 1971, стр. 29.

⁴⁰ LDF, Série I, t. V, p. 268.

⁴¹ Ibid., p. 253; E. C a m p u s. Op. cit., p. 164—165.

⁴² AFMZV, tel. odesl., č. 21—36/34, 28. I. 1934. str. 1.

⁴³ «Documente diplomatice», p. 538; «Probleme de politica externa a Romaniei». p. 172.

правлящих кругов Польши к «Восточному пакту» была негативной, хотя официально она пока еще нигде не была высказана.

Следующим важнейшим звеном «Восточного пакта» должна была стать Чехословакия. Значение Чехословакии как члена системы коллективной безопасности возросло по двум причинам. Во-первых, сама она, как это уже отмечалось, была одной из первых возможных жертв гитлеровской агрессии. Во-вторых, она была тесно связана через Малую Антанту с Румынией и Югославией. Как это справедливо отмечал польский историк В. Дашкевич, другие члены этого союза, Румыния и Югославия, не будучи предполагаемыми участниками «Восточного пакта» в силу его регионального характера, могли бы оказать положительное влияние на ход его создания, что укрепило бы позиции Чехословакии, и через посредство Малой Антанты пользоваться его преимуществами⁵⁰.

Л. Барту посетил Прагу в апреле 1934 г., сразу же после визита в Варшаву. 26 апреля Барту встретился с Э. Бенешем, из бесед с которым сделал вывод о том, что Чехословакия заинтересована в осуществлении проекта «восточноевропейского Локарно». По словам Бенеша, оба министра достигли «полного взаимопонимания во всех вопросах»⁵¹. После визита Барту Э. Бенеш вновь поставил вопрос перед своими партнерами по Малой Антанте о нормализации отношений с СССР⁵².

Однако предполагавшаяся встреча Титулеску с М. М. Литвиновым задерживалась. Помимо развития внутриполитических событий в Румынии, затруднявших переговоры Титулеску с советскими представителями, на дальнейшую линию Малой Антанты налагала свой отпечаток негативная позиция Польши. В конце апреля 1934 г. М. М. Литвинов выражал серьезные опасения, что в этих условиях «сама Франция может потерять интерес к сотрудничеству с нами в ранее намеченном ею объеме и это может отразиться также и на отношении к нам Малой Антанты»⁵³.

Встреча М. М. Литвинова с министрами иностранных дел Малой Антанты состоялась в Женеве 30 мая 1934 г., однако в ходе ее нормализация отношений с СССР не была достигнута. Югославские правящие круги оставались в этом вопросе на прежних позициях. В правительственных кругах буржуазно-помещичьей Румынии Н. Титулеску также не имел твердой поддержки, хотя в конечном счете ему удалось добиться согласия своего правительства на установление дипломатических отношений с СССР. В Чехословакии в начале июня разгорелась острая политическая борьба по поводу участия страны в восточноевропейской системе коллективной безопасности. Депутаты парламента от коммунистической партии предложили проект резолюции, в которой требовали немедленно завершить переговоры с Советским Союзом. 8 июня Э. Бенеш от имени чехословацкого правительства направил Н. Титулеску письмо, в котором он обратил внимание на то обстоятельство, что переговоры о «Восточном пакте», проходящие между Францией и СССР, специально касаются Чехословакии, и поэтому «чехословацкое правительство больше не может откладывать нормализацию отношений с Россией»⁵⁴.

В сложившихся условиях, учитывая отказ правительства Югославии установить дипломатические отношения с СССР, Постоянный совет Малой Антанты вынужден был предоставить своим членам свободу действий в этом вопросе. 9 июня произошло официальное установление дипломатических отношений СССР с Чехословакией и Румынией. Этот шаг явился важным практическим вкладом в переговоры о «Восточном пакте». «Установление нормальных дипломатических отношений между СССР и Румынией и СССР и Чехословакией,— отмечалось 10 июня в передовой статье газеты «Известия»,— имеет бесспорно крупное международное значение, поскольку оно яв-

⁵⁰ W. D a s z k i e w i c z. Dażenia ZSSR do stworzenia ogólnouuropejskiego systemu bezpieczeństwa zbiorowego w latach 1933—1934. — *Przegląd Zachodni*. Poznań, 1964, № 2, str. 227.

⁵¹ Р. К в а щ е к. *Op. cit.*, str. 80.

⁵² Наряду с желанием чехословацкого правительства быстрее заключить «Восточный пакт» оно вместе с тем испытывало на себе давление как демократической общности республики, так и ее торгово-промышленных кругов, заинтересованных в торговом договоре с Советским Союзом.— См. ДВП СССР, т. XVI, стр. 737—738; т. XVII, стр. 193.

⁵³ ДВП СССР, т. XVII, стр. 302.

⁵⁴ «Внешняя политика Чехословакии». М., 1959, стр. 329.

ляется значительным вкладом в арсенал средств, которыми будут располагать государства, борющиеся за всемерную отсрочку военной развязки»⁵⁵.

В первой половине июня стало известным отношение гитлеровской Германии к проекту «Восточного пакта». 13 июня М. М. Литвинов по дороге из Женевы в Москву остановился в Берлине и в беседе с Нейратом передал последнему предложение Советского правительства о заключении регионального пакта. Нейрат заявил, что Германия на заключение такого пакта не пойдет, поскольку она разоружена, не имеет достаточных сил для собственной обороны, а тем более для защиты других государств. Он добавил, что «официальный ответ будет тот, который он только что сообщил»⁵⁶.

В этих условиях еще более важной становилась официально все еще не высказанная позиция Польши, а также отношение к пакту Малой Антанты. Для соответствующих переговоров с союзниками Чехословакии по Малой Антанте Л. Барту в 20-х числах июня посетил Бухарест и Белград.

Торжественный прием, оказанный Барту в Бухаресте, не свидетельствовал об искренности румыно-французских отношений, особенно если учесть, что незадолго до этой встречи румынские представители вели в Берлине переговоры с Германией, добиваясь расширения с ней торговых связей. Гитлеровцы и на этот раз пытались вовлечь Румынию в орбиту своего политического влияния. В конце мая 1934 г. Нейрат сказал посетившему его румынскому министру финансов Маджару, что предлагаемое румынскими правящими кругами экономическое сближение «потребовало бы жертв» со стороны Германии, которая может их приносить лишь «в пользу государств, не подерживающих ее политических оппонентов»⁵⁷.

Визит Барту в Бухарест был приурочен к очередной сессии Постоянного совета Малой Антанты. Это должно было подчеркнуть в глазах европейской общественности, судившей о современных ей событиях по официальным коммюнике, единство политической линии Франции и Малой Антанты. Однако в документах, принятых 18—20 июня Постоянным советом, идея создания восточноевропейской региональной системы договоров не нашла даже и косвенной поддержки⁵⁸, хотя накануне бухарестской встречи Э. Бенеш сообщил советскому полпреду С. Александровскому, что проблема «Восточного пакта» будет основным вопросом повестки дня Совета⁵⁹.

24 июня Барту прибыл в Белград. Судя по отчетам о его переговорах с королем Александром, последний в беседах с Барту благоприятно отнесся к идее «Восточного Локарно». Но многие практические вопросы, в том числе и вопрос об отношениях Югославии с Советским Союзом, по-прежнему не были решены. Возвратившись во Францию, Барту сказал советскому представителю, что он «прямо не ставил перед королем вопроса о восстановлении дипломатических отношений и не вынес точного представления о сроках восстановления»⁶⁰.

Будучи заинтересованной в срыве переговоров по «Восточному пакту», гитлеровская дипломатия в последних числах июня 1934 г. оказала на Малую Антанту прямой нажим. 30 июня французский посол Франсуа-Понсе сообщил советнику полпредства СССР в Берлине, что за последние дни его посетили представители стран Малой Антанты. Они рассказали, что их вызывали в министерство иностранных дел Германии для бесед по вопросу о «Восточном пакте». И на этот раз гитлеровская дипломатия прибегла к свойственным ей методам грубой провокации. «Кроме обычных и известных нам германских аргументов против «Восточного пакта», — сообщал советник в НКВД СССР, — развивались еще следующие идеи: Малая Антанта и балтийские страны вов-

⁵⁵ Демократические круги Румынии и Чехословакии, и прежде всего коммунистические партии этих стран, приветствовали этот важнейший внешнеполитический акт. Однако реакционные силы восприняли его крайне враждебно. Чехословацкая газета «*Narodní Listy*» 14 июня опубликовала письмо реакционного чешского политика К. Крамаржа, адресованное «Югославии и ее королю», с демонстративной благодарностью за отказ от установления дипломатических отношений с СССР. Лидер румынских фашистов А. К. Куза, выступая в парламенте, подверг резкой критике Н. Титулеску, подчеркнув, что установление дипломатических отношений с СССР не оправдало надежд на закрепление за Румынией захваченных советских земель.

⁵⁶ ДВП СССР, т. XVII, стр. 388.

⁵⁷ DGFP, Ser. C, vol. II. London, 1959, p. 851.

⁵⁸ «*Documente diplomatice*», p. 560—562.

⁵⁹ ДВП СССР, т. XVII, стр. 391.

⁶⁰ Там же, стр. 459.

лежались —де в невыгодную сделку, ибо внешняя политика Советского Союза в ближайшее время подвергнется крупным изменениям в направлении восстановления прежних дружественных отношений с Германией»⁶¹.

Гитлеровская верхушка оказывала постоянное давление и на Польшу, которая к июлю 1934 г. все еще не давала официального ответа на предложение французской стороны. 5 июля Бек сообщил французскому послу о «сомнениях польского правительства в отношении «Восточного пакта». 1 августа в беседе с Мольтке он подтвердил негативное отношение Польши к пакту. В августе польским министерством иностранных дел был составлен меморандум об отрицательном отношении Польши к этому вопросу, одобренный 27 августа во время встречи польского посланника Липского с Гитлером⁶².

Польша в свою очередь пыталась повлиять на Прибалтийские государства, но, вопреки прямому нажиму посетившего их летом 1934 г. польского министра иностранных дел Бека, они заявили о своем согласии на участие в «Восточном пакте»⁶³.

Правящие круги Чехословацкой республики, более других заинтересованные в региональном сотрудничестве с участием Советского Союза и Франции, пытались летом 1934 г. активно воздействовать на позицию своих партнеров по Малой Антанте, а также и на Польшу. Еще накануне июньской сессии Постоянного совета Малой Антанты через польского посланника в Праге Бенеш сообщил в Варшаву об одобрении Чехословакией плана «Восточного пакта» и поставил прямой вопрос об отношении к нему Польши⁶⁴. Положение, сложившееся летом 1934 г. в Центральной Европе, и возросшая (особенно после убийства Дольфуса) угроза аншлюса Австрии еще более укрепили решения чехословацкого правительства в данном вопросе. Этому способствовала также и твердая позиция Советского правительства, заявившего о своей решимости бороться за сохранение мира на Европейском континенте. «В этом укреплении мира Советский Союз заинтересован кровно, и поэтому Советское правительство решилось принять на себя большие обязательства», — говорилось в передовой статье газеты «Известия»⁶⁵. В ней подчеркивалось, что фактический отказ Германии от участия в «Восточном пакте» разоблачает ее агрессивные намерения.

Выступление советского официального органа нашло широкий отклик в мировой печати, в том числе и в тех политических кругах Малой Антанты, которые опасались гитлеровской агрессии. Комментируя редакционную статью газеты «Известия», чехословацкая газета подчеркивала: «Традициям Советов... соответствует и их теперешнее заявление, в котором они затрагивают суть дела, т. е. ставят вопрос об ответственности за нарушение европейского мира. С убеждающей аргументацией они объясняют, что противники «Восточного пакта», который должен только предотвратить намерение напасть, являются одновременно противниками мира в Восточной Европе»⁶⁶.

Для создания прочной восточноевропейской системы коллективной безопасности летом и осенью 1934 г. важным было отношение к ней правящих кругов Великобритании, тем более что с заключением восточноевропейской системы пактов связывался также и вопрос о вступлении Советского Союза в Лигу наций. В июле 1934 г. Барту провел в Лондоне переговоры, выдвинув предложение о заключении в Европе системы региональных пактов о взаимопомощи⁶⁷. Наряду с восточноевропейским предполагалось, в частности, заключение «Средиземноморского пакта», который гарантировал бы интересы союзниц Чехословакии по Малой Антанте — Румынии и Югославии⁶⁸.

⁶¹ «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.» — «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 153.

⁶² J. J u r k i e w i c z. Op. cit., str. 161—164.

⁶³ «Известия», 6. VIII. 1934.

⁶⁴ AFMZV, tel. odesl., 17. VI. 1934, č. 326—336/34, str. 1; ДВП СССР, т. XVII, стр. 420.

⁶⁵ «Известия», 16. VII. 1934.

⁶⁶ «Česke slovo», 18. VII. 1934.

⁶⁷ Французские представители указывали в эти дни британским политикам на их роль в возможном повороте восточноевропейских государств к политике коллективной безопасности. «Ключ к сложившейся ситуации хранится в Варшаве, но повернуть его может лишь правительство его величества», — сказал в одной из бесед с английским послом в Париже генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции Леже. — «Documents on British Foreign Policy», 2nd Series, vol. VI. London, 1957, p. 769.

⁶⁸ «Известия», 11. VII. 1934.

Хотя постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Ванситарт и заявил советскому полпреду И. М. Майскому об одобрении этих планов при условии некоторого их изменения в пользу Германии ⁶⁹, официальная позиция, высказанная министром иностранных дел Саймоном в его выступлении в палате общин, была гораздо более сдержанной. Саймон подчеркнул, что как бы сильно ни содействовало английское правительство заключению подобных пактов, это во всяком случае не налагает на Англию никаких новых обязательств ⁷⁰. В дальнейшем английские правящие круги заняли негативную позицию по отношению к проекту «Восточного пакта» ⁷¹.

Убедившись в том, что западные державы не достигли единства в вопросе об обеспечении коллективного отпора агрессору в Восточной Европе, польские правители, полагавшие, что их безопасность уже обеспечена германо-польским соглашением 1934 г., еще раз попытались расколоть Малую Антанту. В середине июля Бек заявил о необходимости до окончательного решения вопроса о присоединении к «Восточному пакту» проконсультироваться с Румынией, связанной с Польшей договорными обязательствами. Вслед за этим он поставил вопрос о присоединении самой Румынии к пакту ⁷².

В одном из документов, направленных королю Карлолу II, Титулеску справедливо оценил этот шаг как попытку Польши затянуть дело. Он подчеркивал, что наряду с «Восточным пактом» планируются также и другие договоры, в частности, Средиземноморский, в котором могли бы принять участие все заинтересованные государства. Но вместе с тем в ответе Беку Титулеску не отклонил предложения о присоединении к «Восточному пакту» ⁷³. В 20-х числах июля в мировой печати появилось сообщение о намерении Румынии вступить в «Восточный пакт» ⁷⁴.

Советский Союз справедливо расценил действия правящих кругов Польши как очередную попытку сорвать заключение пакта, лишить его регионального, целевого характера. Тем не менее НКВД СССР, стремясь привлечь к системе коллективной безопасности все силы, готовые поддержать ее, сообщил Барту через советского временного поверенного в делах во Франции М. И. Розенберга о согласии «заключить дополнительно к «Восточному пакту» особый советско-польско-румынский протокол о взаимной помощи, если Румыния и Польша этого пожелают» ⁷⁵. В августе 1934 г. в телеграмме, направленной чехословацкой миссии в Бухарест, Бенеш также отмечал, что Польша интригует против «Восточного пакта», вовлекая в эту интригу Румынию. Несколько позднее Э. Бенеш сообщал чехословацкому посланнику в Париже, что Титулеску дважды обращался к нему с предложением о присоединении Румынии к «Восточному пакту» ⁷⁶. Бенеш, однако, открыто не возразил против предложенного Титулеску плана и рекомендовал посланнику «действовать деликатно: давать румынам только советы, но не высказываться против» ⁷⁷.

Инструкции Бенеша соответствовали общей линии, которой придерживалась в этом вопросе французская дипломатия. Как сам Барту, так и генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции Леже не отвергали румынских предложений, хотя последний и высказал в беседе с румынским представителем опасение, «как бы просьба Румынии не помешала осуществлению «Восточного пакта», но добавил, что «Франция не может взять на себя ответственность, отвергнув просьбу Румынии» ⁷⁸.

⁶⁹ ДВП СССР, т. XVII, стр. 466—468. По сообщениям германских представителей из Лондона, этот шаг объяснялся в первую очередь боязнью двустороннего франко-советского сближения. — DGFP, Ser. C, vol. III. London, 1960, p. 202.

⁷⁰ «Известия», 14. VII. 1934.

⁷¹ «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.» — «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 157; см. также «История внешней политики СССР», т. I, 1917—1945, стр. 284; В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1963, и др.

⁷² «Documente diplomatice», p. 566.

⁷³ Ibid., p. 567.

⁷⁴ «Известия», 21. VII. 1934.

⁷⁵ ДВП СССР, т. XVII, стр. 501—502.

⁷⁶ AFMZV, tel. odesl., 13. VIII. 1934, № 388/34, 27. VIII. 1934, с. 391/34, стр. 1.

⁷⁷ Ibidem. О позиции Румынии см. также R. Kvaček. Op. cit., стр. 92.

⁷⁸ «Documente diplomatice», p. 570—571.

Такая позиция не способствовала улучшению условий для переговоров. И хотя собравшийся в Женеве в середине сентября Постоянный совет Малой Антанты зафиксировал в решениях необходимость скорейшего заключения «Восточного пакта» как гарантии сохранения мира⁷⁹, слова эти не подкреплялись соответствующими действиями всех членов Малой Антанты. На значительную часть румынских правящих кругов, в которых шла в этот период борьба по вопросу о дальнейшей внешнеполитической ориентации, все большее влияние оказывали действия Польши. Чехословакия ориентировалась в своей политике на западные державы, хотя часть ее правящих кругов и понимала необходимость более тесного сотрудничества с Советским Союзом⁸⁰. Что же касается королевской Югославии, то она держалась в стороне от переговоров, не считая проблемы восточноевропейской безопасности актуальными для себя.

14 сентября Чехословакия официально заявила о своем намерении поддержать «Восточный пакт», после чего она подверглась прямым нападениям со стороны правящих кругов Польши и Германии.

В сентябре 1934 г. в Женеве состоялась очередная сессия Ассамблеи Лиги наций. По инициативе Франции на сессии был поставлен вопрос о приглашении СССР в Лигу наций с предоставлением ему постоянного места в совете Лиги. Франция была на этот раз официально поддержана европейскими союзниками, в том числе и Малой Антантой. 13—14 сентября в Женеве собрался Постоянный совет Малой Антанты, который принял решение поддержать вступление СССР в Лигу наций. На заседании Постоянного совета выяснилось, что Югославия, первоначально расходившаяся в этом вопросе с Чехословакией и Румынией, сняла свои возражения. Решение голосовать за приглашение Советского Союза в Лигу наций было принято Малой Антантой единогласно⁸¹.

Приглашение СССР вступить в Лигу наций было поддержано в общей сложности 30 государствами (при трех воздержавшихся). 18 сентября 1934 г. Советский Союз был принят в Лигу наций. Вступление СССР в Лигу наций укрепило фронт мира и безопасности и явилось очевидным для всех народов свидетельством растущего авторитета миролюбивой внешней политики СССР, лишней раз подтверждало, что идея коллективной безопасности становилась все более популярной среди народов мира.

Все это крайне беспокоило гитлеровцев и их союзников. Накануне вступления СССР в Лигу наций фашистская Германия направила правительствам ряда европейских стран, в том числе Советского Союза, Франции и Чехословакии, меморандум, в котором подчеркивалось, что Германия «не может участвовать в какой-либо международной системе безопасности до тех пор, пока другие державы будут оспаривать равноправие Германии в области вооружений». Уклончивым по форме и отрицательным по существу был меморандум Польши, врученный Барту Беком 27 сентября. НКВД СССР расценил ответы Польши и Германии как отказ от участия в «Восточном пакте»⁸².

Отношение правящих кругов Польши к проблемам восточноевропейской коллективной безопасности порождало все большую тревогу в странах Малой Антанты. В сентябре 1934 г. чехословацкая газета писала: «Поведение Польши очень опасно для европейской политики, так как польское правительство определяет своим выбором окончательное решение Германии»⁸³.

Фашистская Германия и ее союзники понимали, однако, что их отказ не остановит дальнейшие миролюбивые шаги Советского Союза, поддержанные Францией и другими европейскими государствами и направленные к сплочению против агрессора. Поэтому они решили подкрепить свои дипломатические демарши свойственными им террористическими методами. 9 октября 1934 г. пули фашистских наемников оборвали жизнь французского министра иностранных дел Луи Барту и югославского короля

⁷⁹ Ibid., p. 573.

⁸⁰ J. K o z e Ń s k i. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932—1938. Poznań, 1964, str. 152.

⁸¹ «Documente diplomatice», p. 573.

⁸² «Борьба СССР за коллективную безопасность в 1933—1935 гг.» — «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 154.

⁸³ «Lidové Noviny», 8. IX. 1934.

Александра. Это случилось в Марселе, куда Барту приехал для встречи прибывшего во Францию с официальным визитом Александра. Одной из причин приглашения короля Александра во Францию было желание Л. Барту установить более тесный контакт с Югославией по вопросу нормализации дипломатических отношений с СССР. Обстоятельства убийства Л. Барту и короля Александра в наши дни досконально изучены. Вскрыты нити, протянувшиеся от их непосредственных убийц к главарям фашистской Германии — Гитлеру и Герингу⁸⁴. Несомненно, что последние хотели помешать сближению Франции и Югославии с Советским Союзом, созданию в Европе системы коллективной безопасности, сторонником которой был Барту.

Марсельское убийство прервало процесс францужско-югославского сближения и наметившейся в сентябре 1934 г. внутренней консолидации Малой Антанты. Этим не замедлили воспользоваться гитлеровские главарь. На похороны Александра в Югославию явился Геринг. Возвратившись в Берлин, он рассказывал румынскому посланнику Н. Комнеу о «чрезвычайно благоприятных для Германии» результатах своего визита в Югославию. В следующей телеграмме Н. Комнен сообщал о высказанных ему Герингом пожеланиях установить более тесные отношения с Румынией и Югославией. «Намерение Германии разобщить Малую Антанту усиливается, — сообщал он. — Мне стало известно, что в Югославии скоро будет основан новый банк с германским капиталом. Мой югославский коллега утверждает также, что Германия якобы расположена заключить с его страной культурное соглашение, подобное тому, что недавно заключено между Польшей и Венгрией... Как я Вам сообщал уже в свое время, приходит и наш черед»⁸⁵.

В рядах Малой Антанты стали, таким образом, вновь возрастать центробежные тенденции. Они проявились уже во время чрезвычайной сессии Постоянного совета Малой Антанты, созванной 19 октября в Белграде в связи с расследованием обстоятельств марсельского убийства. Правда, в официальном коммюнике убийство в Марселе было охарактеризовано как «покушение против существующего в Европе порядка». Причастность гитлеровских главарей к убийству Барту и Александра тогда еще не была доказана, но в распоряжении югославского правительства имелся уже материал о роли в этом деле правящих кругов Италии и Венгрии. В связи с этим был поставлен вопрос о подаче Югославией жалобы в Лигу наций. Однако ее партнеры по Малой Антанте, Румыния и Чехословакия, оказали на нее сильнейший нажим, чтобы побудить отказаться от жалобы на Италию. Их советы подкреплялись и некоторыми политическими деятелями Франции. Единство Малой Антанты оказалось, таким образом, непрочным. В дальнейшем процесс ее распада не прекращался.

С уходом из жизни Барту закончился первый этап сотрудничества советской и французской дипломатии в их совместной деятельности, направленной на создание коллективной безопасности в Европе. Французское общественное мнение было настроено в пользу продолжения политической линии Барту. Чехословацкий посланник сообщал из Парижа, что французская печать почти единодушно выступала за продолжение внешнеполитического курса Барту, направленного «на укрепление дружеских связей с союзными с Францией странами Малой Антанты и сотрудничества с Россией»⁸⁶.

Однако стрелка внешнеполитического компаса Франции склонялась уже в другую сторону. К руководству французской внешней политикой пришел Пьер Лаваль, который в отличие от Барту рассматривал дальнейшее франко-советское сближение, завершившееся подписанием 2 мая 1935 г. франко-советского договора о взаимопомощи, как политический маневр, а не как акцию, существенно важную для безопасности государства. Пользуясь посредничеством польской дипломатии, Лаваль пытался воздействовать в том же направлении и на страны Малой Антанты. В марте 1935 г. польский посланник в Бухаресте доверительно ознакомил некоторых влиятельных румынских политиков, противостоявших сближению с СССР, с результатами переговоров польских представителей с Лавалем, который в беседе с ними прямо заявил, что лично он против заключения «Восточного пакта», но должен пока еще продолжить

⁸⁴ См. В. К. Волков. Указ. соч., стр. 58—74.

⁸⁵ Arh. MAE. De la legățiunea Berlin — Externe București, 24. X. 1934, fond 71 (Germania), n/p.

⁸⁶ «Внешняя политика Чехословакии», стр. 344.

переговоры, начатые Барту. Лаваль сказал, что Франция не настаивает на присоединении Польши к этому пакту, а также заметил, что отношение Германии к Франции стало в целом гораздо более благожелательным⁸⁷. Подобные заявления Лавалья оказывали несомненное влияние на политику государств Малой Антанты, способствуя их разьединению, а не сплочению перед лицом общего врага, и в конечном счете определяли их отказ от предлагавшейся Советским Союзом политики коллективной безопасности.

Наиболее существенным результатом дальнейших переговоров между СССР и странами Малой Антанты было подписание 16 мая 1935 г. советско-чехословацкого договора о взаимопомощи⁸⁸. В 1935 г. между советскими представителями и Н. Титулеску были начаты переговоры о заключении советско-румынского пакта о взаимопомощи. Патриотические антифашистские силы Румынии поддерживали и активно пропагандировали идею установления союзнических отношений с СССР. Но переговоры тормозились и систематически загибались в тупик действиями румынской реакции⁸⁹. Совместно с чехословацкой дипломатией Н. Титулеску предпринял ряд шагов, направленных на заключение пакта о взаимной помощи между странами Малой Антанты и Францией. Эта инициатива не получила, однако, одобрения румынского и особенно югославского правительств, предпочитавших дальнейшее сближение с Германией, и не нашла поддержки у Лавалья.

Таким образом, наметившиеся в 1933—1934 гг. контуры сотрудничества стран Малой Антанты с Советским Союзом, последовательно выступавшим за создание в Восточной Европе системы коллективной безопасности, не получили в последующие годы своего развития. Главной причиной этого была политика западных империалистических держав, вставших на путь сговора с гитлеровской Германией. Их стремление использовать Малую Антанту в целях, противоречивших интересам мира, как это справедливо отмечалось в советской историографии, подрывало ее позиции, вело к изоляции ее участников⁹⁰.

Опыт истории борьбы за коллективную безопасность в Европе в 1933—1934 гг. наглядно продемонстрировал, что в тех случаях, когда государства Центральной и Юго-Восточной Европы выступали совместно с Советским Союзом, их позиции на международной арене становились более прочными, возможности сопротивления агрессивным планам реваншистских государств возрастали⁹¹. Несомненно, что даже в условиях того времени реалистические устремления, проявившиеся в ряде случаев во внешнеполитической деятельности стран Малой Антанты, могли бы привести к более позитивным результатам. Однако в дальнейшем в политике входивших в нее государств возобладали иные тенденции.

Мюнхенское соглашение и расчленение Чехословакии положили конец существованию Малой Антанты. Последующие события показали, насколько опасными для входивших в нее стран оказались отход их правящих кругов от реалистических тенденций в политике, «двойная игра» на международной арене, склонность к компромиссам с реакцией и отказ от последовательного сотрудничества с миролюбивыми силами, в авангарде которых выступал Советский Союз.

⁸⁷ Arhiva ISISP CC PCR, «Memoril lui Argetoianu», 1935, № 46, p. 94—95.

⁸⁸ Подробнее см. С. И. П р а с о л о в. Договор о взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией 1935 г. — «Советско-чехословацкие отношения. 1918—1939». М., 1968.

⁸⁹ «История Румынии. 1918—1970». М., 1971, стр. 195.

⁹⁰ Е. Д м и т р и е в. Некоторые проблемы предвоенной политики Румынии. — «Новая и новейшая история», 1969, № 4, стр. 145.

⁹¹ Н. Л е б е д е в. Политик-реалист, сторонник сотрудничества с СССР. — «Международная жизнь», 1972, № 5, стр. 89.